

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ФРЕЙМОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматривается понятие фрейма в контексте возможности посредством его описать и структурировать коммуникацию. Учитывая полисемантическую и полифункциональность фрейма, делается попытка привлечь данное понятие в понятийный контекст теории коммуникации. Сопоставляются сценарные, игровые модели социального взаимодействия разных уровней с фреймовой структурой сознания, на основании чего очерчиваются возможные пути более глубокого осмысления коммуникации как ситуативного наполнения фреймового ряда в сознании участников коммуникации.

Ключевые слова: *фрейм, коммуникация, теория коммуникации, уровни социального взаимодействия, стереотипное поведение, прикладная модель коммуникации, игра, сценарий.*

У статті розглянуто поняття фрейму щодо можливості його посередництвом описати та структурувати комунікацію. З огляду на полісемантичність та поліфункціональність фрейму здійснено спробу залучити означене поняття до понятійного контексту теорії комунікації. Зіставлено сценарні, ігрові моделі соціальної взаємодії різних рівнів із фреймовою структурою свідомості, на підставі чого накреслено можливі шляхи глибшого осмислення комунікації як ситуативного наповнення фреймового ряду у свідомості учасників комунікації.

Ключові слова: *фрейм, комунікація, теорія комунікацій, рівні соціальної взаємодії, стереотипна поведінка, прикладна модель комунікації, гра, сценарій.*

In article the concept of the frame from the point of view of possibility to describe and structure communications by its means is considered. Considering a polysemy and many functions of the frame attempt to enter this concept of a terminological context of the theory of communications is undertaken. Scenary, game models of social interaction of different levels are compared with frame structure of consciousness. On this basis possible ways of deeper judgement of communications as situational filling of a frame number in consciousness of participants of communications are outlined.

The keywords: *frame, communication, theory of communications, levels of social interaction, Stereotypic behavior, applied model of communications, game, the scenario*

Современное постиндустриальное общество, формируя без сомнения новую конфигурацию картины мира, а значит, и трансформируя в очередной раз традиционный тип мышления (чем, как известно, сопровождается каждая эпоха), вырабатывает и некие новые поведенческие стереотипы. Это явление, как следует полагать, свидетельствует о приобретении новых навыков коммуникации, свойственных именно участникам сегодняшнего социального взаимодействия на

разных уровнях. Очевидно, есть смысл отыскивать и новые подходы к анализу коммуникаций, тем более что предложенные ранее прикладные модели (а их существует всё же огромное количество) не всегда позволяют исчерпывающе описать механизм человеческого взаимодействия.

Теория коммуникаций сегодня активно пытается постичь и описать те сложнейшие разноуровневые процессы, которые сопровождают человека в самых разных ситуациях: от повседневного бытового общения между родственниками до межнационального взаимодействия на политическом уровне. Многие социологи, психологи, политологи – специалисты в теории социальных коммуникаций – уже неоднократно выстраивали, анализировали и предлагали к освоению разного рода типологию коммуникации.

К примеру, традиционно коммуникацию рассматривают как вербальную и невербальную (визуальную, ритуальную, перформенсную и под.) [14; 16; 18]; можно подходить к коммуникации с позиций области ее совершения, и тогда появляются понятия бизнес-коммуникации (или деловой коммуникации) [12; 13; 19], производственной [3; 6], политической коммуникации [14; 16; 18], коммуникации в искусстве [1] и т. д. Также можно говорить о различных коммуникационных каналах (документной, электронной коммуникации и т. п.) [15; 16; 18]. Объяснить широту, разнонаправленность интерпретаций коммуникации как таковой достаточно сложно. При этом трудно не согласиться с утверждением одного из исследователей: «...коммуникативная проблематика столь же безгранична и разнообразна, как и само человеческое общество, если не сказать — как окружающий нас мир» [14, с. 10].

В целом же коммуникация в исследованиях и теориях так или иначе предстает как некий «базовый элемент» в структуре человеческого взаимодействия вообще, на котором «надстраиваются» уровни и формы. В этой системе выявляются общие закономерности, которые и подвергаются философскому, психологическому, социо- и культурологическому анализу. Одним из центральных понятий, которыми при этом оперируют исследователи, становится модель коммуникации (в значении «конкретный образ изучаемого объекта» [14, с. 32]), причем, как уже отмечалось, каждая по-своему отражает структуру, наполнение, сам процесс (динамику) коммуникации.

Однако следует отметить, что, анализируя достаточно подробно пути формирования коммуникации на том или ином уровне, исследователи не прибегают к попыткам описать саму ситуацию коммуникации как некую рамку, однажды усвоенный фрейм, то есть описать коммуникацию с позиций теории фреймов. По нашему же мнению, именно фреймологический подход и фреймовая модель коммуникации, продолжая исследования И. Гофмана в области психологии, могли бы оказаться весьма продуктивными с точки зрения освоения законов, принципов и проблемного спектра социальной коммуникации.

Однако следует отметить, что понятие фрейма уже стало инструментом социологического анализа в целом (достаточно указать на глубокое исследование,

проведенное в этом направлении В. Вахштайном [5], хотя ученый не применил фрейм именно для структурирования коммуникации). Лингвисты – сторонники функционального подхода к языковой практике – также уже применили фрейм для описания формальной базы языковой коммуникации [10; 17].

В целом же актуальность применения фреймлогического анализа в теории коммуникаций может быть обусловлена рядом наблюдений. Во-первых, веским представляется то, что и теория коммуникаций, и теория фреймов демонстрируют некое взаимное пересечение, прежде всего на терминологическом и методологическом уровнях. Во-вторых, будучи молодыми областями научного знания, и первая, и вторая теории проявляют свой комплексный, междисциплинарный характер: имея корни в философии, социологии, психологии, они аккумулировали знания и таких, казалось бы, разнонаправленных областей, как лингвистика, математика, кибернетика, программирование, информология, на что уже обращали внимание исследователи [13; 14; 16].

Таким образом, нам представляется вполне продуктивным приобщить понятие фрейма к понятийному аппарату теории коммуникаций с тем, чтобы далее попробовать создать фреймовый образ (модель) коммуникации.

Отсюда своей целью мы представляем анализ возможности применения понятия фрейма к той или иной типичной ситуации коммуникации того или иного уровня.

Прежде всего, для реализации нашей цели необходимо вписать понятие фрейма в контекст соотносимых понятий теории коммуникаций и уяснить, можно ли вообще использовать фреймлогический подход к построению модели коммуникации какого-либо уровня. Во-вторых, указать примеры уже существующих моделей коммуникаций, близких по сути к фреймовой. В-третьих, очертить возможную фреймовую коммуникационную модель (при этом мы сознательно не беремся за ее исчерпывающий разносторонний и разноуровневый анализ, поскольку это должно стать предметом отдельного, на наш взгляд, достаточно интересного социально-философского и культурологического исследования).

Сегодня, обращаясь к толкованию семантики термина «фрейм», не трудно заметить множественность приписываемых ему смыслов. Причем сами же исследователи, пытаясь дать определение, приводят цепочку лексем, отображающих, по их мнению, многогранность понятия. Например, изначально в самом общем случае термин «фрейм» обозначает структуру, содержащую некоторую информацию. Такое широкое понимание является основой для объяснения множества случаев его применения в различных областях, а отсюда – длинный синонимический ряд не столько абсолютных синонимов (эквивалентов), сколько взаимодополняющих и взаимоуточняющих лексем: рамка, схема, план, шаблон, сценарий, гештальт, прототип, парадигма, матрица и под. [13, с. 14].

Несомненно, фрейм является некой когнитивной единицей, представляемой в нескольких контекстах одновременно. Прежде всего, среди них выступает

технический контекст (создание разумной машины), лингвистический, психологический и социологический. Наиболее удачно, на наш взгляд, области интерпретации фрейма обобщены в «Кратком словаре когнитивных терминов»: «Фрейм <...> является одновременно: набором предположений об устройстве формального языка для выражения знаний, в качестве альтернативы для семантических сетей или для исчисления предикатов; набором сущностей, по предположению исследователя существующих в описываемом мире (метафизическая интерпретация понятия); Ф. дает представление о том, какой вид знаний существенен для такого описания; организацией представлений, хранимых в памяти (человека и/или компьютера) плюс организация процессов обработки и логического вывода, оперирующих над этим хранилищем (эвристическая, или имплементационная интерпретация)» [8, с. 187].

В свою очередь, исследователи поведенческих моделей – так называемых фреймов (прежде всего, это социопсихологии, программисты-создатели нейронных сетей, лингвисты) – достаточно разнообразно используют английский термин «фрейм», вследствие чего наблюдается некоторая общая расплывчатость его значения.

Итак, поскольку понятие «фрейм» полисеманлично и полифункционально, проанализируем этот термин, исходя из практики его осмысления в работах исследователей, стоявших у истоков фреймологии. Благодаря этому мы сможем выделить те области значений, которые применимы к коммуникации как одной из форм «живых» социальных взаимодействий.

Как известно, основоположник теории фреймов М. Мински [11] применил понятие фрейма для разработки искусственного интеллекта и, не предполагая того, описал, по сути, фрейм как некую поведенческую основу (ученый не акцентировал внимания на человеческом поведении как таковом, а говорил вообще о неких мыслительных процессах, обуславливающих поведение будь то человека, будь то машины). М. Мински исходил из того факта, что человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ) с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания новых соотносимых. Таким образом, фрейм является некой структурой данных для представления стереотипной ситуации. С каждым фреймом ассоциирована информация разных видов (а именно передача информации лежит в основе коммуникации). Одна ее часть указывает, каким образом следует использовать данный фрейм, другая – что предположительно может повлечь за собой его соблюдение, третья – что следует предпринять, если эти ожидания не подтвердятся. Именно такая интерпретация фрейма является первичной в научном знании.

В таком контексте, представляя коммуникацию как некую совокупность последовательных действий (в широком смысле), направленных на передачу определенного смысла, и далее – исходящую от реципиента обратную цепочку

соотносимых действий, каждую ситуацию такого взаимодействия можно рассматривать как реализацию некоторого поведенческого стереотипа, более или менее строгое разыгрывание ранее уже освоенного сценария. К примеру, в рамках вербальной коммуникации выражение согласия или несогласия, непонимания полученной информации или же ее дополнение, ответ на вопрос междометием, полным предложением или же просто жестом можно представить как фреймы, заключающиеся, прежде всего, в соответствующих синтаксических структурах утверждения, вопросительного или восклицательного, неполного предложения и под. Если же добавить к этому и невербальный компонент: выражение лица, телодвижения, намерения, эмоции, то, по нашему мнению, вполне уместно говорить о своего рода микросценарии: и интерпретация сообщения, и намерение ответить (или же не ответить), и ситуативный подбор конструкций продиктованы человеку прежним собственным опытом и постоянно наблюдаемым поведением окружающих. Сознательно или подсознательно это происходит – отдельный вопрос, требующий специального осмысления. Важно то, что стереотип как раз и формируется из тех самых фреймов разных уровней, которые наполняются новым (или же скорректированным прежним) смыслом в каждой ситуации коммуникации. Когда же коммуникация продолжительна во времени (например, регулярные вечерние телефонные разговоры, переписка, повседневная совместная работа над проектом), то фреймы складываются в цепочку взаимосвязей и частично обуславливают содержание друг друга (в сегодняшнем разговоре, скорее всего, будут так или иначе упомянуты вчерашние события; во время прошлого звонка они эмоционально обсуждались, поскольку были свежими новостями, сегодня же они вызывают более спокойные размышления, а завтра будет принято решение забыть о них).

Конечно же, не следует понимать здесь как конечный набор фреймов человеческое сознание, поведение, психические состояния, поскольку человеческое мышление как раз и отличается кардинально от искусственного интеллекта своей гибкостью, а иногда даже непредсказуемостью как в повседневном взаимодействии, так и в непредвиденных или же форс-мажорных обстоятельствах.

Именно повседневное взаимодействие с точки зрения фреймов уже давно описал И. Гофман. Как справедливо заметил Г. Батыгин, вклад ученого в социологическую теорию заключается как раз «...в описании надындивидуальных „социальных порядков” или ритуалов повседневного взаимодействия, которые традиционно соотносились с личностным выбором и, соответственно, рассматривались как феномены психологического порядка» [2, с. 7].

И. Гофман исследовал социальное поведение в более широком смысле. Коммуникация же, являясь, безусловно, частью человеческого взаимодействия, не тождественна последнему. На наш взгляд, гофмановская теория во многом касается непосредственно коммуникативных процессов.

Предметом исследований И. Гофмана является способность практического

сознания «собирать» мир в организованное целое без участия дискурсивного контроля. Ученый доказал, что надындивидуальное происхождение имеют не только «большие» социальные структуры. Жизненный опыт, восприятие реальности, индивидуальные действия, в том числе речевые, в самом действии воспроизводятся как «порядки интеракции», образующие своеобразный континуум, или лестницу «фреймов», которая соединяет индивидуальное действие с социальной структурой и институтами «большого» общества [2, с. 8].

И. Гофман таким образом поясняет поведенческие структуры: «Когда в нашем западном обществе человек распознает какое-либо конкретное событие, во всех случаях он вкладывает в свое восприятие одну или несколько систем фреймов или схем интерпретации, которые можно назвать первичными» [7, с. 81]. Соответственно, фреймы присутствуют в любом восприятии. Причем исследователь говорит именно о первичных фреймах, поскольку применение схемы или перспективы не зависит ни от какой другой базовой или «настоящей» интерпретации и не восходит к ним.

Первичные системы фреймов ученый различает по степени организации. Некоторые из них представляют собой хорошо разработанную систему учреждений, постулатов и правил, другие – их большинство – не имеют, на первый взгляд, отчетливо выраженной формы и задают лишь самое общее понимание, определенный подход, перспективу. Однако независимо от степени своей структурной оформленности первичная система фреймов позволяет локализовать, воспринимать, определять практически бесконечное количество единичных событий и присваивать им наименования. И. Гофман предполагает, что человек не осознает внутреннюю структуру фреймов и, если его спросить, вряд ли сможет описать ее с большей или меньшей полнотой, что не мешает ему пользоваться фреймами без каких-либо ограничений. В связи с этим, по мнению социолога, «в повседневной жизни нашего общества если не проводится вполне последовательно, то достаточно отчетливо ощущается различие между двумя обширными классами первичных систем фреймов – назовем их природными и социальными» [7, с. 81].

Итак, использование фреймов обусловлено ситуацией. Коммуникация (как передача информации) так же является некоторой ситуацией, а значит, коммуниканты апеллируют к прежнему опыту, «отыскивая» (или же подсознательно вспоминая) соответствующий фрейм, и наполняют ситуацию новым (или относительно новым) содержанием. Поскольку коммуникация предусматривает участие двух и больше человек, то «отыскивание» фреймов становится обоюдным процессом. В связи с этим возникает вопрос: в какой форме происходит такой поиск – диалоговой (вопрос-ответ), причинно-следственной (я отвечаю так, потому что ты сообщил мне это...) или же в иной форме?

И. Гофман по этому поводу считал, что «...оказываясь в какой бы то ни было ситуации, люди всегда задаются вопросом: „Что здесь происходит?“. Не имеет значения, ставится ли этот вопрос явно (в случаях замешательства или сомнения)

или возникает по умолчанию (в привычных ситуациях), ответ зависит от способа поведения в данной ситуации» [7, с. 68]. Конечно же, речь идет о «вопросно-ответной» системе в гораздо более широком, нежели строго лингвистическом смысле.

Здесь сама собой напрашивается параллель со структурированием коммуникации как некоего рода интеракции (действие с некоторой целью и ответная реакция на него), и, на наш взгляд, для ее описания вполне уместно применить фреймовую структуру, если под фреймом понимать способ сохранения самых общих знаний, которыми структурируются наши действия (в самом широком смысле).

Соотносят коммуникацию с интеракцией очень многие исследователи – как социологи, так и лингвисты [5; 14; 16; 17; 18], причем интеракция происходит по некоторому сценарию. Очень близко именно к фреймологическому анализу, по нашему мнению, подошел в том числе и Э. Берн [4], предложив соотносить стереотипное поведение со сценарием, заложенным в каждого и разыгрываемым каждым на протяжении жизни в каждой ситуации взаимодействия.

Примечательно, что современные исследователи фреймов так же неоднократно привлекают понятие игры к анализу социальной коммуникации. А игра, как известно, предполагает некий сценарий, то есть является заранее спланированной. «Игра есть творческое (продуктивное) духовное общение независимых субъектов, осуществляемое в рамках добровольно принятых или условных правил и обладающее этической и эстетической привлекательностью» [18, с. 39]. Интересно, что при этом автор использует неоднократно сочетание «игра в рамках коммуникации». Однако с точки зрения теории фреймов тут же возникает вопрос: а не есть ли некой рамкой (фреймом или их «набором») сама игра? Что же первично: коммуникация, которая задает некие условия, или ранее приобретенный опыт и знания о мире, ставшие фреймом в сознании участников коммуникации, тем более что и игру можно понимать по-разному (в узком смысле – спортивную, компьютерную, карточную и т. п., в широком – от театральной постановки до политических манипуляций).

Для структурирования прежнего опыта, привлекаемого в коммуникации как фрагменты сценария, уместно, на наш взгляд, использовать понятие конструкта, звеном которого и есть фрейм. Эта мысль согласна и в определенной степени вызвана рассуждением А. Филиппова относительно структурированности бытия общества в целом. «В социальных науках распространено воззрение на темпоральные структуры общества как на его собственные конструкции. Это означает, что прошлое является конструктом», – утверждает исследователь [20, с. 96]. Далее он аргументирует конструктивистский подход у коммуникации: «...также распространено воззрение на общество как на систему или сеть коммуникаций. Это значит, что социальные конструкты возникают в коммуникации. Прошлое, таким образом, конструируется в коммуникации. В прошлом имели место события и процессы, к прошлому отсылает нынешнее

существование социальных систем, институтов и структур» [20, с. 96]. Однако ученый сосредоточивает внимание на определении и анализе понятия «конструкция прошлого» в связи с понятием «событие», то есть область его исследования – темпоральные, а не поведенческие структуры, хотя, без сомнения, его рассуждения наталкивают на мысль о возможности соотнесения понятий «конструкт» и «фрейм» именно для описания коммуникации. Кроме того, «...в контексте взаимодействия, с разных точек зрения, в разных смыслах идентичность события конституируется по-разному» [20, с. 110], что, опять же таки, соотносимо с использованием фрейма, ситуативно наполняемого определенным смыслом.

Как видим, совершенно правы исследователи, утверждающие, что основные принципы теории фреймов можно применить в любой области науки для систематизирования знаний на основе психологического, социального и языкового опыта человека [13, с. 17]. Именно благодаря пограничности понятия «фрейм» он очень удобен для описания социального взаимодействия (что уже осуществлялось) и социальной коммуникации (что, по нашему мнению, должно стать предметом отдельного конструктивного исследования). Тем более что при осуществленном выше анализе не сложно уловить бесспорную соприкасаемость теории фреймов и теории коммуникаций. Точкой их пересечения как раз и становятся поведенческие стереотипы, которыми, как представляется, наполнена как профессиональная, так и общественная и повседневная бытовая деятельность человека. Учитывая же «беспрецедентно высокую интенсивность социальных связей, изменение конфигурации социальных отношений <...>, перенапряженность социального пространства инновационными формами коммуницирования», что изменяет сложившиеся поведенческие стандарты, рождает новые модели общественной деятельности, увеличивает многомерность социального процесса [9], перспективным представляется дальнейшие исследования возможностей фреймологического подхода к изучению социальных коммуникаций в целом.

Литература:

1. *Басин Е. Я.* Искусство и коммуникация (очерки из истории философско-эстетической мысли) / Е. Я. Басин. – М. : Московский общественный научный фонд ; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. – 240 с.
2. *Батыгин Г. С.* Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гоффмана / Г. С. Батыгин // Гоффман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта : пер. с англ. / под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. – М. : Институт социологии РАН, 2003. – С. 7–57.
3. *Бельских Е. И.* Корпоративные коммуникации промышленного предприятия: в поисках эффективной национальной стратегии [Электронный ресурс] / Е. И. Бельских // Маркетинг в России и за рубежом. – 2006. – № 5. – Режим доступа : <http://www.mavriz.ru/articles/2006/5/4456.html>
4. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди (Психология человеческих взаимоотношений) / Эрик Берн ; пер. с англ. ; под. общ. ред. М. С. Мацковского. – СПб. : Специальная книга, 1996. – 396 с.
5. *Вахштайн В. С.* Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира : автореф. дис. ... канд. соц. наук : спец. 22.00.01 / Вахштайн Виктор Семенович. – М., 2007. – 25 с.
6. Внутренние коммуникации на производстве [Электронный ресурс] // Портал искусственного интеллекта. – Режим доступа : <http://www.aiportal.ru/promote/19/internal-communication-at-work.html>

7. *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Ирвинг Гофман ; под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой ; вступ. статья Г. С. Батыгина. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.
8. Краткий словарь когнитивных терминов [Электронный ресурс] / сост. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М. : Филол. ф-т МГУ, 1997. – 245с. – Режим доступа : <http://vocabulary.ru/dictionary/849/word/freim>
9. *Кузнецова Е. И.* Медиальность и медиакультура как факторы динамики социальной среды [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... доктора филос. наук : спец. 09.00.11 / Елена Игоревна Кузнецова. – Нижний Новгород, 2010. – Режим доступа : <http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filosofiya/a192.php>
10. *Масленникова Е.* Фреймовое представление семантики текста / Евгения Масленникова // Лингвистический вестник. – Вып. 2. – Ижевск : УМО «Sancta lingua», 2000. – С. 114–124.
11. *Мински. М.* Фреймы для представления знаний / М. Мински. – М. : Энергия, 1979. – 152 с.
12. *Моисеенко Е. А.* Коммуникации в бизнесе : учеб. пособие / Е. А. Моисеенко, М. А. Чернышёв ; под ред. И. П. Маличенко. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2007 – 315 с.
13. *Некрасов С. И.* Значение теории фреймов в современной науке / С. И. Некрасов, Н. С. Молчанова // Научные ведомости БелГУ. Серия : Философия. Социология. Право. – 2009. – № 16. – С. 13–17.
14. Основы теории коммуникации : учебник / под ред. проф. М. А. Василица. – М. : Гардарики, 2003. – 615 с.
15. *Панфилова А. П.* Деловая коммуникация в профессиональной деятельности : учеб. пособие / А. П. Панфилова. – СПб. : Знание, ИВЭСЭП, 2001. – 495 с.
16. *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, К. : Ваклер, 2001. – 656 с.
17. *Рождественский Ю. В.* Лекции по общему языкознанию : учебник / Ю. В. Рождественский. – М. : Высш. шк., 1990. – 381 с.
18. *Соколов А. В.* Общая теория социальной коммуникации : учеб. пособие / А. В. Соколов. – СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 461 с.
19. *Спивак В. А.* Современные бизнес-коммуникации / В. А. Спивак. – СПб. : Питер, 2002. – 448 с.
20. *Филиппов А. Ф.* Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода / А. Ф. Филиппов // Феномен прошлого / отв. редакторы И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – С. 96–120.